

Крепостное право — Urbanculture

IRL Термины и определения

История

«Здесь рабство тощее влачится по браздам Неумолимого владельца. Здесь тягостный ярем до гроба все влекут, Надежд и склонностей в душе питать не смея, Здесь девы юные цветут Для прихоти бесчувственной злодея. »

— Наше все

Крепостное право — [любопытное](#) явление истории [ещё той страны](#) и, по совместительству, главная проблема вся Руси, оставившая большую чёрную метку в сознании её [обитателей](#). Является пугалом для битья со стороны [прогрессивной общественности](#) и [совков](#), а также идолом, на который люто наяривают особо отбитые [ымперцы](#). Породило такое опасное заболевание головного [мозга](#) как [рабский менталитет](#), из-за которого [Рашка](#) до сих пор не может встать с колен.

Откуда это взялось?

«Акакий Церетели не без поэтической ностальгии вспоминал детство в имении, где хозяйство фактически вела его мать, а отец только спал, ел и пил с друзьями. Обслуживало их невероятное число поголовно ленивой челяди. Для большинства грузинских крепостных было выгоднее откупиться от барских притязаний, предложив одного из своих детей в слуги («все сыт будет»), от чего барин по традиции не мог отказаться. При этом один из крестьян согласно некоей дедовской привилегии платил годовой оброк размером всего в пол-яйца: на Пасху он торжественно являлся с крашеным яичком, тщательно его чистил, разрезал пополам и подносил дань хозяину, после чего они целовались. Такие пасторальные картинки типичны для аграрных систем, лишенных выхода на рынок. Работы американских историков показали, что на старом Юге патриархальные отношения между плантаторами и рабами-неграми действительно имели место – но только в тех местностях и в те периоды, когда плантационное производство не сулило рыночного дохода. Раба, как и крепостного, ведь нельзя уволить. Жестокость русского (и, еще раньше, польского) частного крепостничества прямо связана с выходом на мировые рынки, когда возникала экономическая рациональность крайних степеней эксплуатации. »

— Георгий Дерлугьян

Крестьянин посылает барина **КЕМ** в Юрьев день

В средние века на **Руси**, как и в большинстве стран Европы, хозяйство было в основном **натуральным**. Это значило, что **95%** жителей страны жили в **деревне** и пахали там землю с целью прокормить самих себя. Торговали они по минимуму, благо все выращивают примерно одно и то же, потому собрать с них налог деньгами было проблематично, да и сами деньги из-за **дефицита** драгоценных металлов были не только ценностью, но и редкостью. Брать налог натурпродуктом можно и нужно, однако ни хлеб, ни мясо, ни меха не хранятся вечно. Как в таких условиях князь или царь должен содержать войско, да ещё и снабжать воинов дорогим оружием и бронёй? Даже в крупных торговых государствах типа Византии или **мусульманского** Египта были вынуждены перейти к феодальному принципу комплектования войск, когда царская земля передаётся **цапкам**, которые напрягают работающих на ней крестьян в свою пользу, сами продают часть изъятого у крестьян продукта и на доставшиеся средства вооружают своих быков, а в случае войны феодальная братва обязана прийти царю на помощь. Если цапок никого не приводил на войсковой смотр, или приведённые им быки браковались военными, то жалованное ему поместье (бенефиций) **забирали обратно в казну**, а местного пахана отправляли **на мороз**. Сами крестьяне при этом были формально свободны, но земля везде чья-то, и от одного хозяина приходилось уходить не на волю, а к другому цапку. При этом с предыдущим арендодателем требовалось полностью рассчитаться за отчётный период, и переход в этой связи разрешался в конце сельскохозяйственного года, поздней осенью в течение двух недель до и после Юрьева дня (26 ноября).

Подобная система устоялась на Руси ко временам Ивана III, но уже при **его внуке, прозванном за жестокость Васильевичем**, начала давать сбои. **Царь, конечно, успешно брал Казань, Астрахань, Ревель и Шпака**, но вот раздать дворянам в завоёванном Поволжье новые поместья с крестьянами не мог за отсутствием в угодьях **татарских крестьян**, а **Ливонию с чухонскими пахарями** под русской властью удержать не удалось. Центральная же Россия уже была поделена, и на вооружение себя и детишек для воинской службы средств местным помещикам не хватало. Понятно, что, если помещик потребует с крестьянина слишком много, тот уйдёт к менее жадному, поэтому крупные землевладельцы типа бояр, княжат, а особенно не плативших вообще никакие налоги **попов**, могли, как насос, высасывать рабсилу из имений мелких помещиков (дворян и детей боярских), что особенно проявлялось в **неурожайные годы**. Помещик разоряется и идёт на большую дорогу, а у царя в войске объявляется недобор. В связи с этим царь додумался объявлять заповедные (то есть запретные) лета — типа чрезвычайного положения, в которое никакие переходы от помещика к помещику крестьянам не разрешены. Его сын Фёдор установил урочные лета — срок давности, в течение которого беглый крестьянин, не рассчитавшийся с владельцем по **ипотеке**, находится в федеральном розыске и при обнаружении **возвращается назад в родное поместье силой**. Позже, в Смуту, всё стало намного хуже, и при первых Романовых всем уже стало ясно, что будет с государством, если по нему шляются толпы голодных и злых бывших детей боярских с дубьём и кистенём. Поэтому Соборное Уложение царя **Алексея Михайловича** 1649 года помещичьих крестьян навечно прикрепило к тем поместьям, в которых они работали на тот момент, а сыск беглых сделал бессрочным. Статус крепостного стал наследственным, а хозяйство крестьян превратилось в собственность помещика. Кое-какие права у мужиков ещё сохранялись, так как у них нельзя было по **беспределу** отжать землю, и они имели право настучать на своего хозяина, если тот слишком уж жестит. Однако проблема была в том, что Уложение слишком мутно говорило о том, какие повинности несёт крестьянин, насколько ему принадлежит его собственное имущество и так далее. В результате, помещики трактовали неочевидные места в свою пользу и, несмотря на неоднократные запреты, повадились продавать крестьян отдельно от земли, например, на завод или в новое имение где-нибудь в малонаселённых землях.

В отличие от крепостных, существовавшие с древних времён холопы были натуральными **рабами** патриархального типа. Наиболее распространено было долговое холопство, когда **некто набрал кредитов и не может их отдать**, или когда сам **не может себя прокормить**. Богатей получал работника на бессрочной основе, а холоп пользовался покровительством и мог не думать о завтрашнем дне, ибо за него теперь думал хозяин. Особым случаем были боевые холопы, которые как раз и входили в дворянские ЧВК в качестве живой силы. В такие холопы не прочь были продаться и по доброй воле, в расчёте на долю в добыче. Постепенно крепостничество стало просто **неотличимо от рабства**, ведь с каждой эпохой оно становилось всё жёстче и жёстче. **Пётр I** постановил, что

крестьяне теперь должны не только батрачить, но и долгие годы служить в [армии](#) — а ведь раньше дворяне получали себе землю и крепостных именно потому, что должны были служить в армии сами, тогда как обычный крепостной Ванька альтернативил в своей деревне [с сошкой и вилами](#). Впрочем, в рекруты забривали навечно, и в крестьянское сословие даже отпущенный на пенсию старый солдат уже не возвращался, а значит, и в родную деревню — тоже. Из-за этого по рекрутам, отправляемым в армию, бабы выли, как по покойникам. Помимо этого, [император](#) ввёл практику [дарить](#) крепостных особо отличившимся товарищам или просто каким-нибудь [VIP](#)-персонам. Это привело к тому, что людьми стали открыто торговать, хотя Пётр и не котиловал это. При Елизавете Петровне стала возможной продажа крестьян в рекруты любому [анонимусу](#), причём помещикам разрешили невозбранно ссылать своих рабов хоть в [Сибирь](#), хоть на любую каторгу, при этом самим пострадавшим подавать «челобитные» впоследствии запретили. Кроме того, теперь крепостные не могли [вступать в брак без разрешения](#) своих хозяев или даже постричься в монахи и свалить подобру-поздорову в монастырь; владение недвижимостью также запрещалось. Под конец немец Карл-Петер Ульрих ака Пётр III освободил дворян от обязательной службы, и этим окончательно положил болт на древний общественный договор, по которому ты или пашешь, или саблей машешь (и тогда на тебя пашут другие), а если не служишь царю, то звиздуй с имения вон. Потому при [Екатерине II](#) среди крепостных [ходили слухи](#) о том, что царь постановил вообще всех освободить от обязанностей, но подлые помещики волю царскую скрыли, а царя убили насмерть ([или попытались, а он сбежал и теперь добрых людей собирает, чтобы с изменниками посчитаться](#)). Крепостными становилось всё больше и больше людей, при этом получалось, что все они живут как бесправные [нигры](#) на плантации: барин мог их беспощадно [пиздить](#), ибо по закону выходило, что наказание помещик устанавливает самостоятельно, ебать их жён и дочерей, проигрывать в карты и прочее. Вот так обычная аренда превратилась в суровый и [беспощадный русский хардкор](#).

Мифы о сабже

Миф 1: Крепостничество = рабство

Надо сказать, что в весёлую эпоху позднего средневековья XV—XVI вв., когда рискованным было не только земледелие, но и все остальные виды человеческой деятельности, крепостное право было неиллюзорной привилегией: дворянину полагалось заботиться о холопах, следить за запасами и общинной собственностью и отвешивать люлей всевозможным ограбителям корованов. А если барин не справлялся, холоп дожидался Юрьева дня и спокойно уходил к другому барину. Такая вот мечта офисного планктона: уволить не могут, а самому уйти — сколько душе угодно. Неудивительно, что в неурожайные годы дворяне массово сокращали штаты, в надежде, что голодные холопы сами куда-нибудь приткнутся. С другой стороны, на «родине демократии» рабство, которое было жёстче крепостного права, отменили на несколько лет позже, но при этом рабов ввозили из колоний и захватывали в индейских войнах, а не закрепощали всё собственное население, как в Рашке. Великобритания же продолжала баловаться работорговлей до середины XIX века, а «свободных британских подданных» не гнушалась ссылать в Австралию и прочие жопы мира на правах каторжников и рабов.

Либерасты и примкнувшие к ним леваки считают крепостное право самым что ни на есть адским из адских зол России, ставя знак равенства между ним и рабством. Это далеко не так, поскольку сравнивать раба и крепостного всё равно что сравнивать тёплое с мягким, да и являются они продуктами совершенно разных строев (рабовладельческого и феодального) и, соответственно, объектами разных отношений. Раб целиком и полностью принадлежал своему хозяину. Это было закреплено законом и примерами могут служить законодательства Древнего Рима, Византийской империи, британских американских колоний и США в 1619—1865 годах. Раб, являясь объектом права, был неправомочен: в суде за поступки раба отвечал его хозяин. Как и любое другое имущество, раба можно было купить, продать, подарить или завещать. Хозяин сам определял степень и меру наказания своего раба и не был ответственен за его смерть. Лишённый права собственности раб целиком и полностью содержался своим хозяином. Не распространялся на рабов и институт брака: их отношения не были юридически закреплены и могли существовать только по доброй воле своего хозяина. Единственное, что было постоянным в их жизни — это каждодневный, тяжёлый труд. Одним словом, как выражались хозяева, «говорящая вещь». «Да, это же сферическое крепостное право в вакууме!» — завопит хомячок при прочтении описания раба. Возможно, поскольку как крепостной, так и раб не были свободными людьми, однако феодальные отношения — это несколько иное измерение. Суть этих отношений сводится к тому, что некий государь (царь, король, князь и т. д.) дарит своим подчинённым (дворяне, рыцари и т. д.) за хорошую службу какой-то определённый земельный надел, который надо было кому-то обрабатывать. Этими кто-то и становились в большинстве случаев крестьяне, поскольку служилым людям заниматься низкоквалифицированной работой было весьма зашкварно. За пользование землёй крестьянам предоставлялись 2 способа оплаты: либо работой на барской земле (барщина), либо жрачкой и баблом со своего надела (оброк), которые потом изымала та самая илита. Причём ответственность за пользование земли и

поддержание хозяйства в надлежащем состоянии полностью перекладывалась на крестьян, а уже потом на хозяина. Здесь уже наблюдается чёткое отличие: если у раба, кроме хозяина, ничего нет, то у крестьянина — и хозяин, и земля, и ответственность за неё. Фактически крестьянин был эдаким арендатором своего времени. Второе же отличие в том, что у рабов вообще не было каких-либо прав, в то время как крепостной обладал хоть ограниченными, но всё же правами. До введения хардкорных мер со стороны властей крепостные обладали полным правом вступать в брак и заводить семью, их дети были законны и наследовали имущество, хотя и рождались крепостными. Кроме того, крепостной крестьянин, в отличие от раба, сам представлял себя в суде, отвечая за свои преступления. До введения Соборного уложения Михалычем крепостные обладали правом перехода от одного хозяина к другому, что не снилось какому-нибудь ниггеру на плантациях. До 1765 года крестьяне могли жаловаться на помещиков лично государю (позже только через местные власти). В связи с этим барин совсем жёстить уж опасался, ведь ему тупо невыгодно, чтобы крестьяне пухли от голода и постоянно болели, да и за жестокое обращение с крепостными мог вполне себе сесть на бутылку. Ну и русский бунт, бессмысленный и беспощадный, совсем никому не нужен. Государству же при таком положении дел не нужны были суды или полиция, так как за своими крестьянами помещики следили сами и разруливали все вопросы, как смотрящие по камере на зоне

Миф 2: КП — это чисто рашкинское явление

Причём не имеющее аналогов в мире. Что в корне неверно. Подобное явление давно наблюдалось по всей Европе: оно неоднократно то угасало, то возрождалось с удвоенной силой. Ещё с раннего Средневековья существовала зависимость крестьянина от землевладельца. В некоторых странах зависимых крестьян называли «сервами» (от лат. *servus* — «слуга»), жизнь которых практически ничем не отличалась от жизни раба, поскольку власть землевладельца была абсолютной: часто крестьянин не мог жениться без разрешения хозяина. Сервы обрабатывали господскую землю, платили оброк и исполняли множество разных повинностей, начиная с работ по ремонту хозяйских построек и заканчивая военной службой под знамёнами сеньора. Так продолжалось вплоть до середины XIV века, пока не пришла одна весёлая болезнь, выкосившая около половины населения Европы. Чтобы как-то компенсировать потери от серьёзного бизнеса феодалы стали активно переманивать чужих крепостных, что привело к возникновению настоящего рынка труда. В результате к XV веку во Франции, Англии, на западе Германии и во многих других областях крестьян почти перестали гонять на барщину. Земледельцы теперь обрабатывали свои наделы и платили господам оброк. Крестьяне ещё не стали свободными, но уже не были рабами. Вот так чума в первый раз отменила крепостное право в Европе, поскольку её одинаково боялись как крестьяне, так и дворяне. С тех пор так и повелось: отмена крепостной зависимости всякий раз сопровождалась потрясениями и катастрофами, от которых страдали все сословия. В XVI веке самым радикальным путём пошла Англия. На континенте внезапно вырос спрос на шерсть, в связи с чем благородные доны начали гнать ссаными тряпками крестьян со своих земель, превратив пашни в овечьи пастбища. В результате этого недальновидного поступка по всей стране расплодилось множество бомжей и батраков, которые потом были успешно загнаны на мануфактуры для производства сукна. Авторитетный английский философ того времени Томас Мор весьма метко подметил, что «овцы съели людей», но не всех. Некоторые брали землю в аренду и таки становились зажиточными фермерами, но картину это ни сколько не украшало: торговля шерстью приносила английским дворянам немалый доход, но производство зерна в стране резко сократилось. Англичанам пришлось импортировать хлеб, ввоз которого с каждым годом только увеличивался. Ещё в более сложное положение попали голландцы, которые, с одной стороны, в XVI веке стали торговой сверхдержавой с большими прибылями в монете, а с другой, заинтересовавшиеся этим испанцы и французы попросились в Нидерланды на пожить и поцарствовать. Восемьдесят лет войны за независимость, в которой ультимативным методом голландцев было открыть шлюзы на плотинах и затопить всех незваных гостей нахуй, не лучшим образом сказались на местном сельском хозяйстве, а кушать-то голландцам хотелось.

Почувяв запах больших деньжищ, предприимчивые землевладельцы Восточной Европы были готовы по самые помидоры завалить западные рынки своим сладким хлебушком, но вот незадача — уровень земледельческой культуры в их поместьях был довольно низким. Фатальный недостаток было решено компенсировать увеличением площади своих пашен и рабочего дня. В результате в Восточной Европе возродилось полузабытое крепостничество, причём в таких формах, что сервы бы нервно курили в сторонке. В этом деле особенно преуспели гордые пшекопаны, которые сначала урезали крестьянские права, а затем запретили в 1503 году крестьянам менять своего господина. Польша контролировала течение балтийских рек Вислы, Западного Буга, Немана и Западной Двины, по которым сплавлялись плоды труда польских и белорусских хлеборобов, а у устья их уже поджидали английские и голландские суда с баблом и мешками. К середине XVI века польский крестьянин проводил на барщине 5—6 дней в неделю, а многие и вовсе лишались своих наделов и жили за счёт пайка, выдаваемого хозяином. Более того, паны имели право наказывать, лишать имущества и даже убивать своих холопов. Это особенно подметил польский интеллектуал XVI века Анджей Моджевский, сравнив холопа с собакой. Королевская власть в дворянской республике была номинальной, так что найти управу на оборзевших феодалов было невозможно. Дурной пример оказался заразительным, и в германских землях к востоку от Эльбы тоже стали устанавливаться

аналогичные порядки. После Тридцатилетней войны ситуация в Германии только ухудшилась, поскольку многие области обезлюдели, а помещичьи хозяйства начали испытывать острую нехватку пушечного мяса. В XVII веке немецкие дворяне конкретно стали закручивать гайки: у крестьян отняли наделы, превратив их в бесправных полурабов, а в Мекленбурге и некоторых других областях вообще начала процветать откровенная торговля людьми. Постепенно крепостное право утвердилось в Австрийской империи и Венгрии, а во Франции, где о личной зависимости крестьян успели позабыть, стали приниматься законы, укреплявшие судебную власть сеньоров над сельским населением. Пока европейские страны соревновались в том, кто сделает жёстче крестьянам фистинг за 300 чеканных монет, правители страны медведей и напитка богов тихо вкушали попкорн и параллельно перенимали опыт «передовых» стран. Этот опыт им настолько пришёлся по нраву, что было решено его использовать уже на постоянной основе, так как крестьяне всё время убегали от своих господ. Только вот спохватились достаточно поздно, поскольку тренд на крепостничество после 1649 года в западных странах начал постепенно уходить из моды, а в XVIII веке и вовсе исчез в некоторых странах, в то время как в сраной имперашке он, наоборот, цвёл буйными красками, последствия которого до сих пор расхлёбываем.

Миф 3: Абсолютно ВСЕ крестьяне были крепостными

Разумеется, это не так. Да, в отдельные периоды крепостные крестьяне составляли большинство населения страны, но отнюдь не подавляющее. Большую часть существования крепостного права численность крепостных душ колебалась в районе 30-50% населения. Лишь при Екатерине II, когда крепостное право было на пике своего могущества, численность крепостных выросла до 60%, но в дальнейшем опять начала снижаться и накануне знаменитой и пафосной крестьянской реформы крепостных было не более 35-37%. В связи с этим возникает резонный вопрос, а кто были остальные крестьяне? Вот тут и начинается самое интересное. В сраной имперашке существовало огромное количество категорий крестьян, степень тяжести обязанностей которых разнилась в зависимости от принадлежности к той или иной группе. А группы были следующие:

Государственные крестьяне — вторая наиболее значительная часть населения Рашки. Их отличие от помещичьих заключалось в повинностях в пользу не отдельно фгмнутого помещика, а государственной казны, поскольку жили и работали такие крестьяне на казенных землях. Государственным крестьянам разрешалось приобретать земли в частное пользование. Эта категория сложилась из ранее свободных черносошных крестьян и однодворцев. После крестьянской реформы государственные крестьяне выкупали земли по той же схеме, что и крепостные. Как правило, повинности этих крестьян были мягче, чем у помещичьих.

Удельные крестьяне — тоже эдакие баловни судьбы. Категория, сформировавшаяся из бывших дворцовых крестьян. Как и государственные крестьяне, они считались лично свободными людьми, но несли повинности не в пользу государственной казны, а в пользу непосредственно императорского двора. Проживали на землях, которые специальным указом были определены в качестве источников для содержания императорской фамилии. Численность этой категории крестьян была невелика и составляла около 1-1,5 миллиона человек. Однако, удельные крестьяне были, пожалуй, самой привилегированной категорией крестьянства. Во-первых, повинности этих крестьян значительно мягче остальных. Они также платили оброк за пользование императорскими землями, но его сумма была значительно ниже оброка даже государственных крестьян и сравнялась с ним только в последние годы существования крепостного права. Кроме того, в духе просвещения действовала и императорская фамилия. Помещик мог попасться любой: самодур и безумец, а мог и самодур в хорошем смысле: мол, я вас, крестьян, в люди выведу, покажу всем, какие у меня хорошие крестьяне — и отправить какого-нибудь крестьянского сына в Академию художеств. С императорской семьёй всё же было не так. Поэтому удельные крестьяне раньше остальных стали приобщаться к образованию. С начала XIX века часть детей удельных крестьян в обязательном порядке отправлялась на учёбу. С этой целью создали специальное Земельное училище, в котором учились дети этих крестьян. В дальнейшем предполагалось, что получившие квалификацию и знания крестьяне вернутся домой и будут вести образцовые хозяйства. Конечно, в этом был не только дух просвещения, но и статус — непорядочно было бы, если бы удельные крестьяне жили хуже государственных или вообще помещичьих. Ещё одним бонусом у удельников была возможность свободно переходить в любое сословие (мещанское или купеческое) при внесении небольшой платы в качестве компенсации, а также приобретать землю, но продать свой участок имели право только другим удельным крестьянам. Благодаря крыше в лице императорской четы могли надеяться на хорошую, годную защиту в судебных тяжбах, за исключением совсем мелких и незначительных дел. После отмены крепостного права удельные крестьяне выкупали землю по той же схеме, что и другие. При этом цена за десятину земли была для них значительно ниже, чем для государственных и помещичьих.

Однодворцы — полная взаимоисключающих параграфов НЁХ. Полупомещики — полукрестьяне. Происходят от мелких и не очень знатных помещиков, поселённых в XVII веке на тогдашних южных рубежах Рассеюшки. Землица у них была, и даже крестьяне водились. Вот только крестьян у них был ровно один двор, отсюда и название. Но границы продвигались на юг, поэтому государству они стали не нужны; сам Пётр I приравнял к ним опальных стрельцов и пушкарей. От дворянской службы они

были освобождены, сами пахали землю и платили подушную подать. Но при этом однодворцы были лично свободными, владели крепостными (которых сами и эксплуатировали) и землёй. Только при Николае I однодворцев приравнивали к государственным крестьянам, а однодворческих крестьян освободили без земли. В 1866 году сословие однодворцев было и вовсе упразднено. Посессионные крестьяне — категория, появившаяся в петровскую эпоху с началом развития промышленности в стране. Значительная часть заводов находилась в отдалении от столицы, поэтому набрать работников на эти стоявшие заводы было проблематично. С целью развития промышленности Пётр издал указ, разрешавший покупать крестьян для работы на фабриках и селить их там же, в деревнях по соседству. В отличие от крепостных крестьян, прикрепленных к земле, данные крестьяне были прикреплены к заводам. Их запрещалось продавать отдельно от завода и это были не шутки, за этим правилом очень строго следили. В рамках посессионного права существовали также приписные крестьяне. Эти крестьяне из числа государственных (и редко — удельных) были приписаны к заводу, но при этом не были к нему прикреплены. Выходит, что они работали на заводе в рамках отработки барщины или оброка. В основном такое практиковали в районах, где были крупные фабрики, в целом это была незначительная по численности категория людей. К началу XIX века эта категория крестьян почти исчезла.

Монастырские крестьяне — категория крестьян полностью исчезнувшая задолго до отмены крепостного права. Они существовали в те времена, когда церковь еще была крупным землевладельцем. Соответственно, те крестьяне, которые жили на принадлежащих церкви землях, были прикреплены к этой земле и несли повинность в пользу монастырей. Повинности этих крестьян мало отличались от остальных, они также отработывали барщину или платили оброк. Иногда в рамках барщины им надлежало выполнять какие-то работы в монастырях. Монастырское землевладение было полностью отменено секуляризацией, проведенной во времена Екатерины II. Все монастырские крестьяне перешли в разряд экономических, поскольку на время были приписаны к Коллегии экономии синодального правления — учреждения, управлявшего церковными землями. Но уже через несколько лет Коллегия прекратила свое существование, и эти крестьяне полностью слились с государственными.

Дворовые люди — предпоследняя и наименее защищённая каста в иерархии крестьян. Что характерно, как таковыми крестьянами не являлись, поскольку выполняли роль прислуги. Это всякие горничные, кухарки, кучера, и прочие слуги. Они использовались в качестве прислуги и не несли никаких повинностей, но и не получали никакой платы, за редким исключением. Фактически, работали за еду и небольшое бабло. Их положение несколько лучше, чем у помещичьих крестьян, поскольку прислуживать на балах и пахать как раб на галерах — это всё же разные вещи. С другой стороны, именно эта категория людей чаще всего и продавалась с молотка, поэтому положение дворовых людей было двойственным. С одной стороны, их повинности не были такими уж хардкорными, и зачастую к ним относились как к членам семьи — дворовые люди исполняли обязанности нянек у юных дворян (вспомним пушкинскую няню Арину Родионовну). В отличие от крестьян, порой видевших барина раз в несколько лет, дворовые люди всю жизнь жили с ними бок о бок. И прикреплены они были не к земле, то есть с продажей имения крестьяне оставались в имении, а прислуга уезжала на новое место жительства вместе с помещиками. Но точно так же отдельных дворовых могли продать «в услужение». Порой бывало, что помещики обучали своих дворовых людей каким-нибудь ремёслам и отпускали на заработки с условием платить оброк. После отмены крепостного права дворовые не получили земли, поскольку никогда её не имели, и продолжили работать прислугой в богатых домах.

Помещичьи крестьяне — низшая каста в крестьянской иерархии. Те самые сферические крепостные в вакууме, которые были воспеты во множестве бессмертных русских литературных произведениях. Жизнь именно этой категории людей была одной из самых тяжёлых: помимо работы на пашне (причём в некоторых случаях нужно было отдельно обрабатывать ещё и землю господина), крестьянин был обязан исполнять роль Джамшута и участвовать во всех строительных работах, вносить подати, по необходимости ишачить на заводах, когда они появились. Кроме того, помещик мог даже приказывать переехать в какие-нибудь отдалённые ебеня, где был куплен новый земельный надел, и похуй, что там ещё нет нормального жилья, тусуется полтора человека, а в окрестностях рыщут волки, медведи и прочая НЁХ. Закон запретил помещичьим крестьянам жаловаться на своих владельцев и дал последним право ссылать их без суда и следствия, по собственному усмотрению, в Сибирь, в ссылку или на каторгу, отдавать в солдаты. Помещики вмешивались в личную жизнь крестьян, им принадлежало право на имущество своих крепостных. Правительство возложило на помещиков обязанность лично собирать с крестьян государственные налоги и вносить их в казну. Это отстранило помещичьих крестьян от непосредственного общения с коронной администрацией: между ними стал помещик. У крестьян осталось право свидетельствовать в суде, крестьяне являлись подсудными, они обязаны были платить государственные налоги, служить в армии, имели право получать небольшую материальную компенсацию за бесчестье, а также помощь от помещиков во время неурожая. При Елизавете Петровне была отменена присяга помещичьих крестьян на верность новому императору и его наследнику.

Миф 4: Помещики были такими зблудками, мать твою

«Добрый помещик — есть счастливый случай, редкое исключение из общего правила; огромное большинство владельцев, конечно же, не таково... но даже у помещиков, считающимися добрыми, жизнь крестьян и дворовых людей крайне тяжела. »

— А. Кошелев

Что могли преспокойно пытаться, насиловать и убивать крестьянина, при этом не неся никакого наказания за это. Подобный образ помещика сформировался благодаря печально известной Салтычихе и ряду других интересных личностей, умудрившихся начудить так, что современные правозащитники повесились бы за милую душу. На самом деле крепостничество было чистой лотереей: при хорошем помещике можно было жить лучше и веселей, чем вольным крестьянином или мещанином, ну а при плохом приходилось терпеть хождение по мукам. Среди них попадались и откровенные самодуры-садомазохисты, изводившие своих дворовых людей (по свидетельствам современников, этим чаще всего почему-то грешили помещицы), а иногда встречались и совсем поехавшие в хорошем смысле чудаки, которые, обнаружив у своего крепостного какой-то талант, отправляли его за свой счёт на учёбу в столицу, а потом ещё и давали вольную в качестве бонуса. Так было с художником Тропининым, архитектором Демерцовым, женившимся после освобождения на дочери своего помещика (sic!) и художником Капковым, который однажды своей работой так впечатлил своего барина, что тот взял и дал вольную без выкупа. Интересная жизнь складывалась и у дворовых людей, которым приходилось напрямую контактировать с баринами 24/7. У хорошего барина дворовые люди считались практически членами семьи, порой они так привязывались друг к другу, что слуги не уходили от них даже после отмены крепостного права. Так было с теми же Пушкиными и Толстыми, слуги которых ну просто не хотели покидать своих господ, хотя те и даровали личную свободу. Плохие же господа прислугу постоянно гоняли, раздавали подзатыльники, били плётками и поливали несвежим забористым матом. Кроме того, помимо того, что помещики отличались характерами, так ещё и масштабами своих владений, которые накладывали определённый отпечаток на быт крепостных. Мелкие помещики, имевшие немного крестьян, действовали на своё усмотрение. Крупные же помещики, имевшие огромное состояние и физически неспособные за всем усмотреть, составляли для своих приказчиков целые уголовные кодексы с детально прописанными наказаниями за те или иные преступления и проступки крестьян. Например, в имениях графа Шереметева откровенных алкашей надлежало на первый раз увещевать словами, на второй — вводить санкции в виде штрафа, а в случае третьего рецидива — сажать на трое суток на гауптвахту, если и это не помогало — пороть розгами публично. Румянцев своих крестьян за проступки и прегрешения велел штрафовать, а у Суворова двумя наиболее распространёнными мерами являлись «словесное увещевание и церковное покаяние» или же «хлеб и вода» на несколько суток — некоторый аналог армейской гауптвахты. В крайне редких случаях за совсем уж дерзкие проступки крестьян надлежало подвергать наказанию розгами на виду у общества. Одним словом, полнейший рандом.

Тем не менее, нужно отметить, что большая часть жестокостей и безумств дворян приходилась всё же на «просвещённый» XVIII век. Дворянство только зарождалось, было необузданным и неотесанным, даже диковатым. Оно перенимало только внешность западных дворян и модные на то время веяния, в том числе и крепостное право, при этом не пытаясь полностью постичь суть данной субкультуры. Первое поколение практически полностью состояло из военных, привыкших к армейским жестокостям, зачастую почти неграмотных. Эти люди гоняли не только прислугу, но и свою родню. Существует немало мемуаров знаменитых деятелей XIX века, испытывавших лютей испанский стыд от того, что вытворяли их дедушки и прадедушки. Так, прадед Пушкина, тоже Александр, просто-напросто зарезал собственную жену, которая была не абы кем, а дочкой адмирала Головина. А дедушка, по словам Солнца русской поэзии, уморил собственную жену в домашней тюрьме, а вторую супругу всячески третировал. Правда, по другой версии, в тюрьму он посадил её предполагаемого любовника, а жена умерла несколько позже и естественной смертью. Сергей Аксаков с ужасом вспоминал, как в детстве его дедушка из-за какой-то мелочи отколошматил всю семью и вдобавок прислугу. И что самое лулзовое — по тем временам он считался добрым. Ещё в середине XVIII века случались инциденты, когда поссорившиеся дворяне устраивали настоящую королевскую битву, собирая своих крепостных, вооружая их и идя на штурм имения недруга, что не отличалось от той же «стенки на стенку» среди футбольных хулиганов. К счастью, Катя II во второй половине XVIII века при помощи «просвещённого абсолютизма» резко выправила ситуацию, и русское дворянство из карго-культа без внутреннего содержания превратилось в настоящую элиту, предопределившую Золотой век русской культуры. Была сформирована либерально настроенная прослойка дворянства, стараниями которой крепостное право начало постепенно ослабевать, а в 1861 году и вовсе исчезло.

Крепостные будни

Свадьбы

«Кого бы мне сегодня выебать?» — думает мимо проезжающий барин.

Ни о каких женитьбах «по любви» крепостные, за очень редким исключением, мечтать, конечно, не могли. Помещики бесцеремонно лезли в личную жизнь своих рабов и фактически заставляли жениться. Так, девушек старались к восемнадцати годам, а то и раньше, выдать замуж, дабы они наплодили ещё больше работников. Тем более, что новую ячейку общества можно также обложить оброком. Как-то князь Голицын заметил, что в его имениях стало слишком много незамужних и неженатых. Недолго думая, он пригрозил, что если все не пойдут жениться быстраблядь, то он устроит такой экшен, как «венчание по жребию», то есть с помощью великого корейского рандома. Народ намёк понял и за несколько недель состоялось несколько сотен свадеб. Суворов, когда заметил, что в его имении парни не женаты из-за дефицита невест, купил последних на рынке, выстроил их и женихов по росту и отправил строем в церковь под венец — шагом марш. Хотя бывало и иначе: списки на венчание составлял какой-нибудь писарь от балды, после чего ставил офигевающих крестьян перед фактом, естественно, не спрашивая их мнения. И хотя Пётр I вроде как издал указ, запрещающий женить случайных людей по воле помещика, на это клался большой хер, а потом про указ вообще забыли.

Иные помещики могли совсем уж жестить. Так, сохранилась история о некоем гренадёре, который взял в жёны крепостную женщину и, ясное дело, потребовал, чтобы помещик её отпустил, согласно одному из многочисленных указов Петра I. Однако сволочной помещик упёрся, как баран, заявив, что нет никаких доказательств состоявшейся свадьбы, тем более что гренадёр происходит из башкир, является мусульманином, а крестьянка исповедует православие. Гренадёру пришлось креститься и менять имя, а также запрашивать свидетельские показания, после чего было постановлено жену всё-таки отдать. Хотя было и другое замечательное правило: «по рабе — холоп, по холопу — раба». Суть его сводилась к тому, что если женишься/выходишь замуж за невольного крестьянина, то бонусом также получаешь статус крепостного. Особо продвинутые помещики в отдалённых ебнях даже выкрадывали свободных людей, заставляли жениться на крепостных, после чего с троллфейсом сообщали пренеприятное известие: «Теперь ты в армии мой раб».

Как сейчас на свадьбах делают деньги всякие фотографы и баянисты, так и раньше на них хорошо наживались помещики. Так, существовал обычай «выводной куницы», согласно которому за невесту нужно было платить выкуп. Поначалу такой выкуп платился только если невеста переходила к другому барину, которому принадлежал её муж: в этом случае выплачивалась рыночная стоимость работницы. Однако затем было решено, что платить надо в любом случае, даже если невеста остаётся у того же хозяина. Кстати, есть мнение, что в некоторых случаях подобные платежи были своеобразной компенсацией, чтобы барин, чего доброго, не попытался вспомнить о праве первой ночи, хотя в России официально его никогда не было (об этом ниже). Если крестьянам жениться было, фактически, обязательно, то вот свадьбы среди дворовых слуг помещики не очень-то жаловали, считая, что семья будет только отвлекать их от прямых обязанностей. Впрочем, были и помещики, которые наоборот считали, что семейному человеку есть, что терять, поэтому свадьбы не запрещались и даже поощрялись.

Воинская служба

«Проводы новобранца». You're in the army now!

«И ужас народа при слове «набор» подобен был ужасу казни. »

— Некрасов

Помимо всего прочего, крепостные мужского пола должны были отрабатывать рекрутскую повинность. Это ещё называлось «попасть под красную шапку», так как именно такие шапки и носили рекруты в старину. Казалось бы, помещику невыгодно было отдавать собственных работников в армию, где, среди прочего, ещё и убить могут. Однако всё было продумано: за каждого рекрута полагались компенсации, поэтому хозяева в накладе не оставались. Иногда даже покупались целые деревни, чтобы всё мужское население отдать в рекруты и получить сотни нефти. Кроме того, в рекруты можно было отдать самых буйных товарищей, дабы они не мутили воду.

Служили рекруты — внимание — двадцать пять долгих лет. В XIX веке срок службы стал уменьшаться, но всё равно был охуенно большим. Грубо говоря, в армию уходил бодрый двадцатилетний бородатый анонимус, а возвращался угрюмый сорокапятилетний мужик с вьетнамскими флэшбеками. При этом рекруты всё так же оставались бесправными ниграми, ибо пропасть между простым солдатом и офицером была огромной. Сотни лет в армии практиковали разнообразные телесные наказания типа избить кнутом, прогнать через строй и прочие развлечения, которые отменил только Александр II. Кстати, формально все податные сословия должны были выполнять рекрутскую повинность — откосить могли только купцы, но в реальности мещане и даже государственные крестьяне зачастую не служили. Конечно, служить крестьяне не хотели, поэтому пытались либо дезертировать, либо искалечить самих себя, дабы быть признанными негодными, однако подобный мазохизм карался дополнительными пиздюлями и последующий отправкой в отряд, если провинившийся всё ещё мог обращаться с оружием.

До конкретной жести на уровне Екатерины II дошел Александр I после Отечественной войны. Александер придумал гениальный хитрый план: пусть солдаты обеспечивают сами себя, а их дети становятся потомственными рекрутами! Император, которого в Европах знали, как уступчивого либерала, повелел устроить первое военное поселение, а на все увещевания заявлял, что готов солдатскими трупами выложить весь его периметр, но от своей идеи не откажется. Таким образом, тысячи крестьян по щелчку пальцев превратились в солдат и были обязаны жить по армейским правилам, ложась и вставая в указанное время, занимаясь шагистикой на плацу, и участвуя в прочем экшене. В военном поселении были обязаны служить все от 18 до 45 лет, а дети с 7 лет проходили военную подготовку. Но при этом никто не освобождал мужиков и от работ в поле — более того, это также было обязательным. Вдобавок ко всему этому, чтоб скучно не было, в некоторые семьи ещё и подселяли дополнительных солдат из регулярной армии, которых, по идее, нужно было кормить, а им следовало помогать по хозяйству. Прикинь, если в твою хрущёвку внезапно зайвится какой-нибудь мужик и сообщит, что ему приказали жить в твоей сычевальне и жрать вместе с тобой любовно запасённые дошки. И хотя подобный чад кутежа длился не сильно долго, он доставил крепостным немало приятных моментов — таких приятных, что некоторые вроде как бы начинали бунтовать (в закутке, после обеда, по воспоминаниям офицеров-надзирателей). Дело было не только в том, что работы было много: крестьянин не мог понять, за каким фигом его на государевой службе ещё и землю пахать заставляют? Он же на всё готовенькое в армию шёл.

Лулзы и «развлечения»

«Минуй нас пуще всех печалей И барский гнев, и барская любовь. »

— *Горе от ума*

Помещики вообще были ценителями лулзов и любили проявлять разнообразные «чудачества». Но, как говорится, что помещику хорошо, то крепостному — смерть. Тут нужно понимать, в какой вообще обстановке существовало большинство помещиков: живёшь в каких-то ебнях, вокруг леса да поля, до ближайшего соседа, с которым хоть поговорить можно, ехать от часа до бесконечности. Зомбоящика нет, интернетов нет, из развлечений только чтение книг, игра в карты, охота — в таком ключе. А так как сам помещик никуя не работал, то от скуки он придумывал для себя всякие развлечения, в которых основную роль и играли крепостные. Впрочем, у небогатых помещиков особо пространства для манёвра не было, а вот у богачей — сколько угодно. Так, Разумовский мог, например, приказать, чтобы пара тысяч крестьян быстренько запилила насыпь для проезда по распутице, потому что барин изволит съездить в лес послушать соловьёв. Дворянин Собакин любил устраивать движуху с тысячами крестьян, которые должны были петь о том, какой у них охуенно крутой помещик. Известный богач Плещеев приказал, чтобы крестьяне за ночь замутили целую рощу на пустыре — это был подарок на день рождения жены. Замута же была в том, что крестьяне нарубили целую кучу свежих ветвей, взяли их в руки, а когда жена Плещеева вышла поглядеть на такое великолепие, то одновременно склонились к земле — выглядело эффектно. На этом же празднике гостей развлекали театральными постановками, а также демонстрировали портрет самой виновницы торжества в камере обскура, вокруг которого танцевали амурчики. Разгадка сего феномена проста: прямо напротив камеры на отдалённом лугу установили портрет, а вокруг должны были весь день крутиться крестьянские дети в костюмах. Рассказывают и о некоем помещике, который создавал статуи из собственных крепостных: их раздевали, красили белой краской, после чего расставляли на постаментах.

Конечно, жаловали помещики и охоту, которая для многих была главной отрадой. Богатеи устраивали целые охотничьи «поезда», в которые входили сотни человек. Нередко за процессией отдельно следовали кареты с дамами, которым сидеть верхом было не комильфо; отдельно везли даже лучших собак, чтобы не устали. Впрочем, для крестьян весь этот выезд с собаками и дичью не сулил ничего хорошего, так как всадники вытапывали поля, а охотничьи собаки жрали домашнюю птицу. Кстати, своих блохозовов помещики любили особо, выделяя им чуть ли не отдельные комнаты и поставляя лучший корм, то есть жили они куда лучше крепостных. Например, известный самодур генерал Измайлов утверждал, что собака в принципе лучше человека, а однажды выменял у соседа

четырёх собак на четырёх крепостных. В особо упоротых случаях «охотники» громили крестьянские дворы и отлавливали понравившихся женщин — а чё, ёба, отдыхаем же! Время от времени подобные нашествия гопников случались даже на земли недругов; доподлинно известны случаи, когда дворяне даже выкрадывали помещичьих жён.

Про крестьянок даже и говорить нечего: случаи насилия были в любом имении. Например, министру государственных имуществ поступил подробный отчёт, в котором были следующие строки: «Иной помещик заставляет удовлетворять свои скотские побуждения простой силой власти, и не видя предела, доходит до неистовства, насилуя малолетних детей...». Существовал простой принцип, которым и объяснялась вся эта вакханалия: «Должна идти, коли раба». Фактически, некоторые помещики устраивали себе крепостные гаремы, ходя по деревне и выбирая красавиц. Другие же хозяева, которые жили в городе или за границей, специально приезжали в имения именно с целью всласть поебаться. Особо продвинутые даже требовали составлять списки подросших девушек, которые затем вызывались к барину в спальню. Помещики, жившие в имениях постоянно, могли отбирать себе гаремных «жён» на постоянную основу. Так, некто Кошкарлов имел при себе пятнадцать девушек, которые регулярно дежурили у него в спальне и сопровождали в баню. Тот же генерал Измайлов требовал, чтобы его «наложницы» жили в отдельной комнате и ни с кем не виделись, а за малейшие провинности лупил. Вообще, бравый генерал был, судя по всему, прекрасным человеком, так как любил издеваться над девушками. К примеру, взяв в гарем двух сестёр, он трахнул их поочерёдно на глазах друг у друга. Более того, по крайней мере один раз он взял себе в гарем дочь другой своей наложницы. Как говорится, инцест — дело семейное. Впрочем, практически никто не считал это чем-то плохим — да, есть такое дело, но что такого-то? Да и вообще насилие в принципе преступлением не считалось. Ярким тому примером был случай, когда какие-то озлобленные мужики отпиздили своего управляющего, насилувавшего их жён, то наказаны были именно крестьяне, а не насильник. Известна и другая история: некий офицер, который пробухал всё состояние и остался с одной несчастной деревней, распродал всех мужиков и оставил только крестьянок, чтобы потом они наплодили новых работников. Другие же ушлые помещики готовили из симпатичных девочек эскортниц, давая их в аренду богатым господам.

Но, как говорится, не сексом единым. Самые богатенькие Буратины устраивали у себя крепостные театры, где играли подневольные люди. Расходы на подобные предприятия были немалыми, но тогда иметь собственный театр считалось ниибаца крутым. На некоторые представления могли собираться сотни гостей и наблюдать за действительно феерическими зрелищами с тысячами действующих лиц.

Торговля крепостными

Продаётся холоп в летах, обучен грамоте и игре на гусях... Продавать и покупать крепостных можно было и в XVIII, и в XIX веках. Так, в середине XVIII века одна «душа» стоила рублей 30, но затем постепенно поднялась до 100. К XIX веку стоимость достигла 200—300 рублей, а за какую-нибудь красавицу, обученную петь или играть на музыкальным инструменте, могли легко отдать пару тысяч деревянных. Впрочем, за породистого щенка могли платить ещё больше: аж до 10 тысяч. Одним словом, тезис генерала Измайлова о людях и собаках полностью подтверждался. Впрочем, приторговывали людьми не только всякие мутные личности, но и вполне уважаемые люди. К примеру, Столыпин выставил на продажу труппу своих актёров за 40 с лишним тысяч, и их приобрёл Нарышкин для императорского двора. Что интересно, это не мешало всё тому же Александру I возмущаться, что в его стране людьми торгуют поштучно. В итоге только Николай I всё-таки запретил продавать людей отдельно от семейств, но это помогло мало, поскольку торговля цвела и пахла вплоть до 1861 года. Кстати, что символизирует, Николай Павлович запретил своим подданным торговать чернокожими рабами, а также гарантировал свободу любому негру, который окажется в Российской империи, — показуха для Запада была в моде и двести лет назад. Для внутреннего же пользования при Александре I была придумана целая теория, что продажа дворянством крещёных душ — это никакая не работорговля, а всего лишь переуступка обязанности крепостных служить своим господам, так как они считались малыми детьми, неспособными к самостоятельному существованию без отцовской власти.

Помимо продажи, крепостных могли проигрывать в карты — это было вполне распространено. В некоторых же случаях могли отпустить в услужение к своим корешам, которые юридически не имели права иметь крепостных: например, судьям, священникам, купцам. Фактически, в ряде случаев это была банальная взятка, либо благодарность за услугу — как принести коробку конфет или бутылку коньяка в СССР. В большинстве случаев полиция на это закрывала глаза, но на всякий пожарный «душу» могли оформить на имя какого-нибудь знакомого дворянина, чтобы вопросов было меньше, так как по закону за такие штучки полагался штраф, а слуга получал вольную. Иногда получалось даже так, что у крепостных были свои рабы — вот уж и правда, раб мечтает не о свободе, а о собственных рабах. Происходило это очень просто: зажиточные крестьяне обкашливали с бариним вопросики и просили подогнать им какую-нибудь захудалую деревню, обещая приплатить за посредничество и соответствующий откат. Ну, а дальше можно было распоряжаться прикреплёнными к земле рабами как угодно, собирая с них профит.

Наказания

Наказание батогами — самое распространённое наказание среди крестьян Царской России.

Как ты, дорогой анонимус, уже понял, помещик в своих владениях был царём и богом: он не только собирал с крестьян бабло, но и являлся представителем правительства, отвечая за то, чтобы крестьяне выполняли все повинности, включая государственные. Понятное дело, что для этого помещикам требовались самые широкие полномочия, каковые государство им и предоставило: так, с 1736 года землевладельцы могли сами устанавливать наказание для своих крестьян, а затем получили право ссылать крепостных в Сибирь. Немного позднее эту фишу расширили и позволили отправлять прямиком на каторгу, а не просто на поселение, получая за это рекрутские квитанции. При этом детей сосланного можно было оставить у себя, а можно и их было выслать КЕМ, получив за каждого вознаграждение. Особенно ушлые даже скупали подешевле старых и немощных крепостных, после чего сразу же отправляли тех в Сибирь. Формально сосланным должны были выдаваться хоть какие-то деньги на дорогу и еду, но в реальности, ясен пень, на это забивалось, либо средства пиздились надзирателями. Ссылка означала ещё более скотские условия содержания, поэтому многие до неё просто не добирались, отдавая душу б-гу прямо в дороге, чему способствовала антисанитария и постоянные побои. При этом большую часть пути приходилось переться на своих двоих, так что весь этот анабасис мог занимать годик-другой.

Но и без ссылки было где развернуться. Любимейшим наказанием была, конечно, порка: в тренде были батоги, кнуты, плети, причём хуярить могли много раз. Количество ударов не было никак регламентировано, но некоторые помещики даже составляли целые документы, в которых чётко прописывалась сколько пиздюлей нужно выдавать за различные проступки. Впрочем, конечно, не все были такими уж зверями: в более позднее время «хорошие» дворяне слуг и крестьян старались не бить (или хотя бы бить не слишком часто) и относиться более-менее по-человечески. Естественно, пиздюлей обычно выдавал не сам барин, а специально обученные надсмотрщики, у которых при себе постоянно имелся необходимый арсенал розг. Причём зачастую пороли за всякую хуиту типа «недобрый взгляд», «громкий смех» или за «чрезмерное щегольство». Состоятельные же землевладельцы дополнительно устраивали праздничные показательные порки, чтобы крестьянам жизнь мёдом не казалась. Причём женщины здесь не отставали от мужчин — некоторые барыни вытворяли такое, что графиня Батори бы позавидовала. Для некоторых наказания стали неотъемлемой частью бытия: например, одна барыня нарочно искала повода дать пару раз по морде слугам, потому что без этого ей жизнь была не мила. Доходило и до абсурда. Так, последователь де Сада поэт Струйский устраивал у себя целые судебные заседания, на которых выступал в главной роли, составляя обвинительные приговоры для крепостных. После же этого их ждали гостеприимные подвалы графа и разнообразные пыточные орудия. Впрочем, даже убийства крепостных обычно не заканчивались для помещиков ничем серьёзным, так как полиция контролировалась всё теми же дворянами. В большинстве случаев происшествия просто никто не расследовал, но если уж это было невозможно, то либо осуждали какого-нибудь старосту, который недоглядел, либо заявляли, что умерший просто был мазохистом и сам себя сёк плетью. Причём мучали не только крепостных крестьян, но и, например, дворовых — просто по привычке. Некий капитан Шестаков издевался над своими людьми так, что соседи даже были вынуждены обратиться в полицию. К примеру, brave вояка мог просто так избить одного из слуг, потом связать, высечь кнутом и засунуть в холодную баню на всю ночь. В имении же Шестаков развлекался фотоохотой, паля по крестьянам из ружья. Однако закончилось всё тем, что капитану погрозили пальчиком и взяли с него расписку, что он будет вести себя поприличнее. Свидетельства подобных историй сохранились в немалом количестве и это было вполне в духе закона, так как формально в отношении господин-раб никто не должен был вмешиваться в принципе.

Способы избавления от крепостной зависимости

Модный дамский журнал «Крепостная»

Как известно, многим помещикам было просто невыгодно отпускать на волю такую дешёвую рабочую силу, ибо приносила нехилые доходы при малых затратах. Особенно это касалось крупных помещиков, владевших большими наделами, которые надо было постоянно обрабатывать. Если и давали вольную, то за исключительные таланты, которыми мог похвастаться не каждый крестьянин. Тем не менее, бывали случаи, когда вольную давали за хорошую службу. Чаще всего это происходило в среде мелкопоместного дворянства, владевшего небольшими имениями и не более 10-20 крепостных, которые, в основном, приходились слугами. Вообще, способов получить вольную было множество:

Банально убежать от помещика — самый распространённый и при этом опасный способ. Применялся беглыми крестьянами, которым уже было нечего терять после многолетних пыток хозяина. Бежали либо в Сибирь, либо к казакам, либо на Русский Север, где не распространялось крепостничество. Данный способ был сопряжён с большим риском для жизни: беглецу предстояло познать все прелести GTA IRL с жандармерией и голодными псами. Если беглец справлялся со всем этим, то автоматически становился вольным человеком. Особенно крестьяне любили сбегать к казакам, которые потом не выдавали беглецов, от чего у императора и помещиков нехило так пригорало.

По договоренности с помещиком — здесь всё зависело исключительно от взаимоотношений крепостного и помещика. В основном, вольная давалась за деньги или в обмен на какое-либо обязательство. Некоторые богатые помещики из отставных военных практиковали выдачу вольных по истечении какого-либо срока службы. Например, давали вольную дворовым людям после 10 лет службы. Некоторые распоряжались дать вольную своим любимцам после их смерти и прописывали это в своих завещаниях. Так, знаменитый денщик Суворова Прохор Дубасов, известный как «камердинер Прошка», после смерти Суворова получил от его наследников не только вольную, но и пять тысяч рублей серебром (очень значительная по тем временам сумма). Но чаще всего вольную получали разбогатевшие крепостные, ставшие даже богаче (sic!) своих помещиков. Некоторые из этих людей положили начало знаменитым купеческим династиям. Из крепостных происходили такие богатейшие семьи, как Мамонтовы, Елисеевы, Морозовы, Абрикосовы, Алексеевы, Гучковы, Найденовы, Прохоровы, Третьяковы, Филипповы, Смирновы.

Банально отслужить в армии — для ценителей всего маскулинного. Даже крепостной крестьянин, прошедший службу, становился свободным человеком и имел полное право жить где угодно и заниматься чем хочется. Поначалу из-за длительности нахождения в армии данный способ был неактуальным, однако позднее, когда срок службы стал постоянно снижаться, военная служба стала чуть ли не панацеей от крепостного права. Кроме того, если жена солдата была крепостной, то после начала службы мужа она также становилась лично свободным человеком, как и её дети. Отдельные отечественные Рэмбо вроде Ивана Ефимовича Деникина (отца того самого белого генерала) и вовсе ухитрялись дослужиться до майора и выше с правом на потомственное дворянство.

Ссылка в Сибирь — для хардкорных выживальщиков. Помещик имел право переселить своих крепостных в Сибирь (не путать с каторгой). В этом случае они становились свободными людьми и по прибытии на новое место жительства получали из казны финансовую поддержку на обустройство хозяйства и землю. Эта мера должна была стимулировать освоение пустынной Сибири.

Быть сиротой из воспитательного дома — nuff said. В открывшиеся при Екатерине воспитательные дома для сирот нередко относили своих детей и крестьяне, в том числе и крепостные. Любой

воспитанник этого дома автоматически становился свободным человеком, правда, до этого момента доживали не все, поскольку уровень медицины того времени оставлял желать лучшего, да и в воспитательные дома в основном попадали хилые и больные дети. Некоторые даже умирали ещё в младенчестве.

Побывать в плену — способ для совсем уж отмороженных. По закону, все побывавшие в плену автоматически становились вольными людьми после выхода. Некоторые богатые крестьяне, которых не отпускал помещик, иногда сговаривались о пленении. Например, разбогатевший крепостной крестьянин Шипов вспоминал в своих мемуарах, что помещик не желал дать ему вольную, хотя тот предлагал сразу заплатить пятилетнюю сумму оброка. Тогда хитрый крестьянин инсценировал своё похищение горцами (дело было на Кавказе) и по договоренности с ними бежал, после чего совершенно спокойно и законно получил вольную.

Быть крепостным у барина-распиздяя — баринь кутил-кутил и докутился до того, что заложил поместье в государственный банк вместе с тобой. Вроде ты и крепостной, а даже по морде дать уже не могут, пока обратно не выкупят. А на какие шиши он тебя выкупит, ежели докутился? Ехидные историки подсчитали, что в одних польских губерниях на 1 непокорного шляхтича, лишённого имени за участие в мятежах, приходилось 20 шляхтичей-распиздяев, которые своё имение банально просадили и свалили прокорм холопов на государство. Другое дело, что такое неликвидное имение могли сдать в аренду кому-то из идущих к успеху крестьян, и тогда, холоп, тебе крупно не повезло: новый эффективный менеджер будет отбивать затраты и выжмет из тебя все соки.

Салтычиха

«Бейте до смерти. Я сама в ответе и никого не боюсь, хоть вотчины свои отдать готова. И никто ничего сделать мне не может. »

— Салтычиха во время порки Прасковьи Ларионовой

Салтычиха (она же *Дарья Николаевна Салтыкова*, 1730—1801) — помещица с **необычным внутренним миром**, любительница **нетрадиционных форм** любви, а также богатая маньячка, запомнившаяся крепостным своей нечеловеческой звериной жестокостью и отправившая на тот свет более 100 фрагов. Метамам дворянской тусовки, из-за которого в сознании крепостных и их потомков укоренился тот самый каноничный образ помещика — изувера, душегуба и просто мрази, размахивавшей налево и направо своими орудиями **пыток**.

Детство, отрочество

До того, как стать эпичной маньячкой Дарья Николаевна в детстве и юности вела вполне себе добропорядочный образ жизни: получала домашнее **ламповое образование**, а также люто котиrowала **православные традиции**, ибо девочке довелось расти в набожной семье, находившейся в родстве с такими дворянскими гигантами, как Мусины-Пушкины, Строгановы и Толстые. Одним словом, няша, стесняша и благородная дева. В 19 лет её выдают замуж за ротмистра лейб-гвардии конного полка Глеба Салтыкова, её родными становятся Нарышкины, Глебовы, Голицыны и Ягужинские, а в её распоряжение попадает множество поместий. Тогда за молодой дворянкой не замечалось каких-либо психических отклонений. Правда это или ложь — предмет многочисленных срачей историков, тем не менее, в присутствии супруга Даша не подавала каких-либо признаков агрессии. Также предметом срачей является верность/неверность супругов. **Злые языки** поговаривали, что муж любил **погонять лысого на стороне**, в то время как жена смиренно сидела дома и воспитывала двух сыновей. В конце концов, **разгульный образ жизни** ответил муженьку взаимностью: однажды к нему пожаловала одна милая **пушистая зверюшка**, а свидетель её прихода «сгорел» за пару недель. Убитая горем вдова впала в глубочайшую **бездну анальной оккупации**, от которой пыталась сначала избавиться православными молитвами, а затем и другими **нетрадиционными способами**. Не помогло: депра только усилилась, а сама Даша, в наследство которой перешли несколько имений и более 600 душ, стала вследствие хронического **недоёба** вымещать свою злобу на крепостных.

Путь к успеху

Началось адовое **БДСМ** в вакууме: битьё крепостных скалками, палками, плётками, горячими утюгами и поленьями, сжигание волос прямо на голове, умышленные ожоги раскалёнными щипцами за уши, выливание кипятка прямо на лицо — всё то, что любит настоящий **месье**. Чаше всего под руку Салтычихе попадали девушки, которые либо не так заправляли кровать, либо «плохо» помыли пол, либо хреново постирали платья. Ходили также истории, что Салтычиха собрала всех девушек и заперла в пустом доме и двое суток морила голодом за якобы плохую работу. В дальнейшем Салтычиха стала **овладевать** в ещё больших масштабах на этот раз уже со смертельным исходом. Первым громким перформансом стало убийство крестьянки Фёклы Герасимовой, которую Даша забила так, что, по мнению свидетелей, от неё и живого места не осталось, зато были выдернутые

волосы, сгнившая спина и проломленная голова. Войдя в раж, Даша напоследок решила учинить расправу над тремя жёнами простого конюха Ермолая Ильина: Федосью Артамонову до полусмерти забила скалкой, а потом отдала крестьянам Петру Ульянову и Михаилу Мартынову [на добивание](#), а Аксиныю Яковлеву и Катерину Семёнову распидорасила батогами и обварила кипятком. Убитому горем конюху вообще грозила тем, что если он попытается на неё настучать, то призом будет [целебное битъё](#). Такая же участь постигла и крепостную крестьянку Марию Петрову. Сначала помещица избивала девушку скалкой «за нечистое мытьё пола», потом отдала своему подчинённому бить её кнутом. К вечеру девушка скончалась, а её тело решили не хоронить, а вывезти в лес и там бросить. Справедливости ради стоит отметить, что свои садистские наклонности вымещала не только на бабах. Так, крестьянин Хрисанф Андреев якобы недосмотрел за девушками, которые мыли полы. Мужчину избили кнутом до полусмерти, а потом помещица отдала его своим палачам — гайдуку и конюху. Андреев под этой охраной ночь простоял на морозе, но и этого было мало. Она потребовала завести его в одну из комнат и раскалить щипцы. Помещица била свою жертву палкой, лила на голову кипятком, а уши прижигала щипцами. Когда это всё вскрылось, сыщики долго не могли поверить в то, что такой чад кутежа могла устроить женщина, которой едва исполнилось 30 лет, да ещё мать двоих сыновей.

Падение и заточение

В общем, барышня развлекалась как могла, пока крепостные не начали строчить на неё многочисленные малявы. Первым на неё в конце 1750-х годов пожаловался конюх Савелий Мартынов, причём не кому-нибудь, а действительному статскому советнику Андрею Молчанову. Внезапно жалобу он рассмотрел и даже поехал в гости к помещице, но дело [закончилось разговорами, подарками, напоминанием о знатности рода](#) и сетованием на глупость крестьян. [Нетрудно догадаться](#), что случилось потом с Савелием. Одна крестьянка пожаловалась священнику, что помещица забрала работать в дом её [12-летнюю дочь, бьёт и издевается над ней](#). Жалобу проигнорировали, а саму крестьянку, как обычно, забили. С доносчиками Салтычиха расправлялась особенно жестоко: сначала договаривалась с властями и выпрашивала, чтобы крестьян не забирали, а затем устраивала над ними «Последний день в Помпях». «Меня на вас не променяют, сколько вы ни доноси», — как бе намекала Салтычиха. Салтычиха настолько уверовала в свою [богоизбранность](#), что даже не заметила, как потеряла из-за недотраха связь с реальностью. Так, в начале 1762 году из ревности к другой женщине она несколько раз пыталась убить своего бывшего ухажёра, причём не просто ухажёра, а инженера Николая Тютчева — дворянина и дедушку того самого Фёдора Тютчева, написавшего большое количество годных стихотворений. С этого момента и начинается её падение, поскольку даже попытка убийства дворянина тогда воспринималась лютым зашкваром, а слухи о зверствах Салтычихи в Троицком и в Москве стали доходить аж до императоров и императриц. Летом 1762 года из Троицкого сбежали двое крепостных — Савелий Мартынов и его друг Ермолай Ильин, которые стали впоследствии главными свидетелями по делу о Салтычихе. Терять им было нечего: Мартынова дворянка приказала бить до смерти, и он чудом смог скрыться, а на глазах его друга она насмерть забила троих жён. Бежали долго и мучительно, пока не очутились в юстиц-коллегии^[1], где внезапно на них не стали класть болт, а помогли составить жалобу, которую удалось довести до самой фрей-[Екатерины](#). В бумаге мужчины умоляли не возвращать их помещице, как того требовал закон. Катя прислушалась к мольбам и потребовала отправить жалобу на рассмотрение сначала в Правительствующий сенат, а оттуда — в юстиц-коллегию в Москве. Жалоба была принята, а за дело принялись надворный советник Степан Волков и молодой князь Дмитрий Цицианов. С осени 1762-го по осень 1763-го было опрошено множество крестьян, конюхов, лакеев, а также саму садистку, которая, как и подобает [серийному убийце](#), категорически отрицала свою вину, что, впрочем, её не спасло. Из сотни допрошенных 94 признались, что над крепостными издевались и забивали до смерти, а каждую неделю за церковью на территории Троицкого появлялась новая могила. Этого вполне оказалось достаточно, чтобы макнуть Салтычиху в сраное говно. В итоге, после шести лет мучительного и изнурительного процесса 2 октября 1768 году Салтычиху приговорили к [пожизненному лечению](#) на монастырских курортах, причём 38 убийств было доказано, для 26 не хватило свидетельских показаний, а по 11 её оправдали. Кроме того, Дарью навсегда лишили [столбового дворянства](#), не спасли даже заслуги её предков перед императорами. Дарью Салтыкову прозвали мучительницей, душегубицей, уродом рода человеческого, а сама императрица даже запретила называть её женщиной и велела обращаться только по [местоимению «он»](#). После приговора её немедленно сослали в Иоанно-Предтеченский монастырь, где она через 30 лет 27 ноября 1801 года в возрасте 71 года официально [примет православие](#) — бесповоротно и окончательно.

Падение права

Крестьяне недоверчиво читают манифест и по окончании пытаются понять, в чём прикол

«Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь. »

— «Горе от ума»

«Первый удар властности Арины Петровны был нанесен не столько отменой крепостного права, сколько теми приготовлениями, которые предшествовали этой отмене. Сначала простые слухи, потом дворянские собрания с их адресами, потом губернские комитеты, потом редакционные комиссии — все это изнуряло, поселяло смуту. Воображение Арины Петровны, и без того богатое творчеством, рисовало ей целые массы пустяков. То вдруг вопрос представится: как это я Агашку звать будут? чай, Агафьюшкой... а может, и Агафьей Федоровной величать придется! То представится: ходит она по пустому дому, а людишки в людскую забрались и жрут! Жрать надоест — под стол бросают! То покажется, что заглянула она в погреб, а там Юлька с Фешкой так-то за обе щеки уписывают, так-то уписывают! Хотела было она реприманд им сделать — и поперхнулась. «Как ты им что-нибудь скажешь! теперь они вольные, на них, поди, и суда нет!» »

— Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы

«Сейчас ещё выяснится, что отмена крепостного права была незаконной, и у нас у всех долги по барщине за 160 лет. »

— Анонимус

«всякие движухи за освобождение крестьян из крепости -- это либеральная хрень, реально же вполне себе вредная. »

— Варракс

Отмена крепостного права — наиглавнейший мем, одно из самых важных событий в истории России в принципе. Любой школьник знает или должен знать, что [Александр II](#) какбэ освободил крестьян в 1861 году. Ну, а если [ты](#) плохо слушал учительницу, то твой любимый Лурк просветит. К XIX веку, когда крепостных стало [больше двадцати миллионов](#)^[2], а в некоторых губерниях к этому сословию принадлежало чуть ли не 70% народа, всем было очевидно, что рано или поздно со всем этим нужно что-то делать. Кроме того, масла в огонь подливал тот факт, что некоторым дворянским семьям было просто не по силам содержать такую огромную массу людей, поскольку состояние, доставшееся от предков, не отличавшихся умом и сообразительностью, порождало большие долги. В результате, большую часть состояния приходилось закладывать, чтобы погасить огромные долги, как делал, например, сам [Александр Сергеевич](#). Одним словом, пришло [время перемен](#). Первые попытки по разрешению проблемы были предприняты Александром I и Николаем I, которые прекрасно понимали, что в XIX веке подобный недострой, тем более, когда униженными и

оскорблёнными объявляются свои же соотечественники, казался nonsensом и жестоким [БДСМ](#), да и глава тайной полиции резонно замечал: «Надо бы дать им свободу сверху, а то они, чего доброго, её попытаются получить снизу». Тем паче, что в русском дворянстве давно оформилась либеральная прослойка особо [просвещённых](#) юношей и девушек, мечтавших избавиться от этого ретроградского (но не аморального) говна, однако воплотить эту идею им мешали консервативные дворяне, не хотевшие ничего менять в принципе. В итоге первая половина XIX века прошла в жёстких срачах между либералами и консерваторами, которые толком ни к чему столь существенному не привели, хотя императорами и были приняты такие вещи, как «Указ о вольных хлебопашцах», «Отмена крепостного права в Прибалтике» и ряд других послаблений для крестьянства и ограничений для помещиков.

Яркий свет в конце ректального прохода крепостничества замаячил только в начале второй половины XIX века, когда имперашка эпично лососнула тунцов в [Крымской войне](#) с полным просёром флота и [множества](#) отважных воинов. Данная война наглядно продемонстрировала отсталость Рашки как в техническом, так и в общественном планах, в связи с чем сынуля Николая I Александр II начал искать выход из общественно-политического кризиса. На Саню сразу же накнулись и либералы, и консерваторы, требовавшие от него невозможного — «и рыбку съесть, и на хуй не сесть». Удивительно, но Сане каким-то неведомым образом удалось воплотить данный принцип в жизнь, и в 1861 году на 5 лет раньше отмены рабства в США был принят хвалебный манифест о проходах крепостничества на свалку российской истории. На бумаге реформа, введённая Александром II, выглядела неплохо, но, как это обычно бывает, «хотели как лучше, а получилось как всегда». Крестьяне действительно получали гражданские права, выборное самоуправление и даже надел земли, но надел этот давался как бы в [лизинг](#) — за него нужно было платить государству и бесплатно пахать на помещика, либо выкупать в личное пользование по грабительской цене. Кто не мог выплатить всё и сразу (то есть почти все), заботливое царское правительство предусмотрело рассрочку с 4 до 6% годовых. По факту, на бывших крепостных принудительно повесили аналог обязательной (иначе — а-та-та и на каторгу в Сибирь) ипотеки на 49 лет под 4-6% годовых, но с сохранением барщины и оброка в пользу помещика. Таких бабосов у вечно нищebroдствующих крестьян не было, поэтому внуки освобождённых крестьян выплачивали внукам бывших бар вплоть до 1910 года. Наёб состоял ещё и в том, что выдаваемые наделы зачастую оказывались меньше и хуёвее тех, на которых крестьяне работали раньше. В итоге получилось, что хотя крестьяне формально стали свободными, реально мало что изменилось, так как куда-либо уйти они не могли, потому что отказываться от выданной земли нельзя было 49 лет, и вынуждены были регулярно работать даром. Многие стали поговаривать, что «[на самом деле царь дал нам настоящую волю и больше земли, а помещики нас опять наебали](#)». И таки договорились: сначала у крестьян полыхнуло в Кандиевке и Черногае, где был впервые поднят красный флаг, а затем и в Бездне, где хитрый крестьянин Антон Петров сделал ложный вброс о том, что царь дал волю уже в 1858 году, а помещики это скрывали. Подобными настроениями прекрасно пользовались всякие революционеры, которые могли использовать дыры манифеста в своей пропаганде. Тем не менее, реформа не была уж совсем фейловой: она в любом случае стала переломным моментом в истории, заложив базу для полного устранения рабства своих соотечественников и возврата крестьянам всех прав [нормальных людей](#). Вот только произошло это далеко не сразу и не так просто. Понадобились убийство царя-освободителя, революция 1905—1907 годов, [Первая мировая](#), 2 революции [1917](#) года, Декрет о земле, а также эпичная [Гражданская война](#), чтобы окончательно всем раздать по кусочку земли, что однако потом не помешало заново загнать бывших крестьян в ненавистные сталинские колхозы. Вплоть до 1974 года колхозаны были закреплены в деревнях без паспортов^[3], что какбе отражало послекусие реформы, однако при советской власти, в отличие от царской, им разрешалось тикать в города и получать заветную книжечку с советским гербом.

Мемы

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день

Легендарная фраза, которая часто приписывается некой [маленькой девочке](#), решившей огорошить свою семью известием об отмене Юрьева дня — особого дня, позволявшего крепостным перейти от злого хозяина к доброму или же наоборот. В Древней Руси закрепощённое крестьянство вплоть до XVII века имело право на добровольный выбор хозяина. Добрый князь Иван III от большой любви и сострадания к крепостному люду решил [ограничить](#) это право в своём Судебнике 1497 года двумя неделями. Сие торжество было назначено на 26 ноября — дату языческого праздника бога Перуна, который с приходом ПГМ на Русь ВНЕЗАПНО стал именоваться Днём св. Егория (Юрия). Чтобы трудящимся жилось [ещё лучше и веселей](#), был установлен пожилой налог, который холоп обязан был уплачивать хозяину после своего ухода. Даже при этом далеко не всех хозяев устраивала потеря качественной рабочей силы, вместо которой могла с большей долей вероятности прийти [некачественная](#). Поэтому вследствие радения за крупных помещиков, на которых руководство в то время возлагало большие веру и надежду, в 1581 году день сначала временно ограничили («заповедные лета»), а затем в конце XVI века и вовсе [\[:!m ru:Бан|запретили](#), чем изрядно обломали кабальных крестьян. В 1649 право перехода, вместе с Юрьевым Днём, было окончательно умножено на ноль Алексеем Романовым в Соборном уложении, а все лапотники дружно соснули [большой и](#)

Барщина и оброк

Отдельные мемы данного цирка. И если с барщиной всё ясно, то с оброком дела обстояли куда интереснее. Оброком называлась ежегодные выплаты бабла помещику, причём сумма устанавливалась в зависимости от желания левой пятки господина и могла быть повышена. Казалось бы, всё просто — заплати оброк и спи спокойно. Однако, во многих губерниях деньги как таковые не водились, поэтому крестьянам приходилось тащиться на заработки в город, дабы устроиться на фабрику/завод, стать извозчиком или ремесленником. При этом зачастую помещики требовали MOAR, заставляя отдавать и натуральные припасы в духе куры-яйки, пшеница, молоко и так далее. Так, например, Павлу I была подана жалоба, из которой следовало, что какой-то борзый помещик заставляет донатить по 6 рублей с носа, требует обрабатывать собственные угодья, а крепостных бьёт нещадно. Были и другие расходы по мелочи, типа содержание управителя и всей его семьи. Впрочем, некоторым жилось немного получше — в частности, талантливым детям, которые могли стать крутыми ремесленниками, художниками или музыкантами. Барин рассматривал их как очередные инвестиции, то есть сначала позволял учиться (иногда даже за рубежом), а затем отправлял на работу и просто стриг купоны, лежа на диване и ничего не делая. Однако, судьба таких уникумов тоже была не сильно весёлой, ибо помещик мог легко загубить всю жизнь, просто заявив: «Всё, хватит натюрморты рисовать, будешь теперь художественно толчки драить». Так, один француз рассказывал, что музыкант-крепостной, заебавшись выслушивать капризы хозяина в духе «поиграй-ка моим гостям несколько часов без перерыва», отрубил самому себе палец[пруфлинк?]

С Дона выдачи нет

Популярный мем имперской России, означавший [былиный отказ](#) в экстрадиции беглых крестьян обратно барину. Появился благодаря [казакам](#), следовавшим принципу «Свобода — равенство — братство», из-за которого официальная имперская власть в своё время испытывала [лютые негодование](#). Особенно актуальным данный принцип был у крестьян, мечтавшим вырваться из помещичьего гнёта. Тем счастливицам, которым посчастливилось убежать из-под барского кнута, свободные казаки предоставляли на Дону своё пристанище и отличную «крышу», которая давала 100% защиту от домогательств со стороны дворянской илиты.

Право первой ночи

Явление, которое весьма вероятно присутствовало в Средневековой Европе, а также — но это не точно — кое-где в России. Суть его очень проста: помещик или феодал может потребовать, чтобы первую брачную ночь девушка-крестьянка провела именно с ним, а [не со своим законным мужем](#). Вытащи руки из штанов, юный дронч, ибо [тебе](#) всё равно стать феодалом бы не светило. Ноги здесь растут, видимо, из совсем уж древнего обычая, когда многие мужья почитали за благо, если какая-нибудь местная шишка или даже сам король положит глаз на их жёнку. Когда-то давно считалось, что власть происходит от Б-га, а это значит, что всякие бла-ародные доны могут поделиться частичкой этой благодати^[4] (кто сказал «[телегония](#)»?). А уж если после такой интрижки родится первенец, так это вообще отлично, ибо он наверняка получит бонус на +10 к интеллекту и удачливости. В принципе, логика в этом есть, если предположить, что феодал является носителем более лучших генов.

Однако шло время и крестьяне стали более прагматичными, поэтому смотрели на похотливых дворян с явным неодобрением: позволять какому-то херу с горы нахалюву мацать свою жену никому не хотелось. Однако сделать с этим ничего было нельзя, ибо рычагов давления у феодалов было много, в отличие от крестьян, мало чем отличавшихся от рабов. Поэтому, хоть это явление и называется «правом», в реальности никакими законами это не регламентировалось — в России уж точно. Однако сохранились свидетельства того, что крестьяне после свадьбы платили своему помещику некую мзду, как бы откупаясь и защищая своих жён от посягательств. Утверждается, что соответствующий закон приняла ещё княгиня Ольга, и называлось это «куничным сбором», а также «выводной куницей» («куницей» также называлась сама невеста). Есть сведения, что эта пошлина взималась только тогда, когда девушка выходила за крестьянина из другой волости, но не исключено, что это просто красивое обоснование. Так или иначе, стопудовых подтверждений существования права первой ночи в России нет, но историки сходятся в одном: у помещиков были все возможности для ебли своих крестьянок. Впрочем, это не значит, что можно было устроить тру-гарем в стиле арабских шейхов, так как на слишком борзых землевладельцев в теории могли настучать (в очень редких случаях это даже помогало) или просто устроить локальное пугачёвское восстание.

Восстания Степана Разина и Емельяна Пугачёва

Два эпических восстания, являющиеся наглядным примером того, как не нужно доводить крестьян до ручки и урезать права всяким [национальным](#), [религиозным](#) и прочим [меньшинствам](#). Эти восстания являются чуть ли не единственным случаем, когда их можно рассматривать не отдельно

друг от друга, а совместно, поскольку у них много общего. Во-первых, оба лидера восстаний родились в одной и той же станице — станице Зимовейской. Во-вторых, оба выступали за предоставление различных вольностей униженным и оскорблённым и ликвидацию крепостнического гнёта. В третьих, оба замешаны в историях с погибшими членами императорской четы, при этом Разин не стал играть роль самозванца, предоставив эту возможность [другому человеку](#), в то время как Пугачёв провозгласил себя выжившим Петром III, который спасся после [живительных иглоукаливаний](#), прописанных сторонниками его неблагодарной жёнушки — Катки Великой. Чего уж там говорить, даже оба главаря казачьей ОПГ отправились на эшафот в результате предательства своих же братушек. Тем не менее, различия в восстаниях всё же были. Основное различие заключалось в целях: если Разин просто хотел помочь Алексею Михайловичу избавиться от [тлетворного влияния](#) бояр и дворян, которые, по мнению Стёпы, готовились [свергнуть самого царя](#), то Емельян стремился конкретно свергнуть государственный строй и на его месте возвести абсолютно другой порядок. Именно благодаря этому восстание Пугачёва и стало таким массовым и известным явлением в отличие от бунтов Разина. Вторым отличием было то, что если во времена Разина против царской власти воевала плохо организованная масса людей, то во времена Пугачёва Екатерине II противостояло не какое-то крестьянское мудачё, а матёрые казацкие командос, закалённые боями Семилетней и русско-турецкой войны 1768—1774 годов, которые умудрялись брать один крупный рашкинский город за другим, во всяком случае на первом этапе восстания. Впрочем, несмотря на различия, оба восстания таки заставили нехило власть [просрать кирпичами](#), особенно пугачёвское, вынудившее Великую Катку из-за долбоебизма местных мэров и губернаторов отвлечься от очень важных дел в [Крыму](#) и направить на подавление бунтовщиков аж целую регулярную армию.

Крестьянские восстания

Закономерная реакция на то, как не нужно доводить крестьян до ручки и смешивать их с говном. Восстания, непосредственной причиной которых было крепостное право, происходили ещё в Смутное время, когда страну вовсю раздирали всякие привилегированные боярские ОПГ. Одним из таких восстаний было меметичное восстание Болотникова, сразу же отметившееся весьма пёстрым составом его участников. Тут тебе и крестьяне с холопами под руководством Ивана Болотникова, и различные сорта казаков, и три дворянских дома (Ляпуновых, Пашковых и Телятевских), и иностранные наёмники (10 тысяч ландскнехтов с артиллерией). К сожалению, из-за типичных разногласий внутри группировки восстание потерпело сокрушительное фиаско, но стало отличным демотиватором в борьбе против сраных боярских, а в дальнейшем и дворянских угнетателей. Эстафетную палочку Болотникова потом подхватят многие свободолюбивые казаки, в том числе Степан Разин, Игнатий Булавин и конечно же легендарный Емельян Пугачёв, который так заставил просрать кирпичами Катку Вторую, что ей, бедненькой, пришлось для подавления данного марша несогласных выставить аж целые регулярные армейские части. Вот до чего доводит долбоебизм местных мэров и губернаторов!

Культурка

Книги

Такое крайне меметичное явление ну просто не могло не породить тонну различного литературного креатива. Впереди планеты всей конечно же был отечественный производитель, благодаря которому рашкинская культура переживала свой «золотой век». Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой, Некрасов — суть всего XIX века. Прежде чем вам, детишки, задать домашнее задание по литературе, пару слов необходимо сказать от аффтарах произведений, описанных ниже. Все известные классики русской литературы родились либо в конце XVIII, либо вообще в первой половине XIX века. Именно в это время начинается подъём либерального дворянства, требовавшего окончательно решить вопрос с крепостничеством. Среди этой тусовки и были Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Толстой и прочие кошерные писатели, с сочувствием относившиеся к своим подданным. Так, Сан Саныча Пушкина крестьяне люто, бешено любили. Есть даже сведения, что царскому чиновнику, направленному следить за поэтом, в монастырской слободе рассказывали следующее: «Пушкин — отлично добрый господин, который награждает деньгами за услугу даже собственных людей, ведёт себя весьма просто и никого не обижает». Лев Николаевич вообще хотел всем крестьянам дать вольную и причитающиеся им участки, но те, заподозрив какой-то подвох, отказались и остались служить ему. В ответ Лев Николаевич построил им школу, чтоб просвещались. Иван Сергеевич Тургенев вообще люто ненавидел крепостничество и пытался его уничтожить на корню. Причиной тому стала его мать, которая относилась к крепостным с плохо скрываемым презрением. Ярким примером подобного мировоззрения пылкого и страстного юноши стало его внезапное заступничество за крепостную девушку Лушу, которую без его ведома пытались продать некой косплеерше Салтычихи. Тургенев вышел с ружьём на пристава, пришедшего забрать «покупку», а после вынудил мать в добровольно-принудительном порядке заплатить отступные и расторгнуть сделку. Охуевший от такой наглости пристав подал жалобу на дерзкого юношу, которая могла в любой момент превратиться в уголовку. К счастью, пролежав в суде до 1861 года, она так и не возымела какую-либо юридическую силу. Тургенев же в ответ дал себе так называемую

«аннибаловскую клятву»:

Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел <...> В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда

Писатель хорошо понимал, с какими социальными, экономическими и политическими трудностями столкнется Россия в переходный период от крепостничества к наёмному труду, поэтому, судя по письмам конца 50-х годов XIX века, он уже принимал некоторые меры в своих поместьях, а для общего блага даже замыслил журнал «Хозяйственный указатель».

С Гоголем же ситуация была весьма двоякая. С одной стороны он высмеивал крепостничество, особенно в своих легендарных «Мёртвых душах», но при этом верил, что социальное неравенство предначертано Богом. И потому считал, что первым делом помещик, приехавший к себе в деревню, должен объяснить крестьянам «что такое ты и что такое они. Что помещик ты над ними не потому, чтобы тебе так хотелось повелевать и быть помещиком, но потому что ты уже есть помещик, что ты родился помещиком». Обосновывая эту теорию, Гоголь ссылаясь на Библию, уверенный в том, что все равны только перед Создателем, а в светском обществе каждому предначертана своя роль:

Ты родился помещиком <...> взыщет с тебя Бог, если бы ты променял это звание на другое, потому что всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом <...> потому что нет власти, которая бы не была от Бога

Примечания

1. ↑ Прабабушка этих ваших судов
2. ↑ У самых богатеньких буратин могло быть несколько тысяч крестьян, а у членов семьи царя — пару десятков тысяч.
3. ↑ Точнее наоборот — они, в отличие от городских жителей, были не обязаны получать паспорта, если не выезжали на работу в город или служить в РККА/СА
4. ↑ В каком-то смысле подобные взгляды существуют и в наше время: вспомни хотя бы, что фанаты так и норовят дотронуться до своего кумира, иррационально надеясь получить его/её энергетику, а многие из них до сих пор мечтают с кумиром переспать.